

Уже третий месяц грозный Дух Заразы кочует по большой тундре, собирая с оленных людей человеческие головы в ясак. Никто не видел его лицом к лицу, но, говорят, что ночью, когда последняя сноха, суевившаяся у костра, влезет внутрь полога, он проезжает мимо стойбищ на своих длинноногих красношёрстных оленях, ведя бесконечный обоз, нагруженный рухлядью; полозья его саней из красной меди; женщины едут вместе с ним, следя за упряжными оленями; захваченные пастухи гонят сзади бесчисленные красные стада с рогами, похожими на светлое пламя; он похищает молодых девушек, чтобы они выколачивали снег из его пологов, он уводит молодых крепких мужчин, чтобы сделать их своими рабами, он подкрадывается ночью неслышно, как песок, и шатры жителей оставляет на ночлеге пустыми и вечно лишёнными движения, а беспризорное стадо уводит вместе со своими стадами.

Никто не видел его лица, но люди называют его Хозяином страны. Все говорят, что он пришёл с запада. Ещё с прошлого года Олений бог посылал своим детям дурные предвещения. Олени, убитые на жертву, падали раной вниз; на жёной лопатке из-под нижнего края выходила зловещая черта, указывая путь Желающего похитить; по ночам кто-то с шумом пролетал над верхушками шатров, убивая душу огня, тлевшую под пеплом очага; подошвы шатровых столбов примерзали к земле, и их приходилось вырубать топором. Но чары похитителя ослепили ум оленных жителей, и они не понимали предвещаний. На этой новой земле, которую заняли их отцы, перейдя великую реку навстречу ветру, дующему со стороны вечера, жилось так привольно [Чукчи перебрались на западную тундру не более как лет шестьдесят тому назад, в шестидесятых годах XIX века. (Прим. Тана).]. Нетронутые моховища представляли довольно простора для самых многочисленных стад, олени множились, как комары в сырое лето. Пусть тунгусские соседи брали по двухлетку за каждый ножик, пусть русские убивали по молодой важенке за четверть кирпича, по два выборных быка за бутылку спирта, стада всё-таки "простирались по полям, как грязь", как будто из каждой лямбдой шерстинки вырастало по оленю. Всего было много на тундре. Озёра кипели рыбой, берега речных заводей чернели от помёта ланных гусей, песцы приходили на стойбище собирать крохи, как собаки. Комары и оводы боялись прохладной тундры, в вечно влажной тине копыта оленей не знали гниения. Кочующие сани не перебирались через хребты по узким просекам, прорубленным тяжёлыми топорами; тундра была ровна, как стол, и открыта, как океан, приносивший к её окраине сплавной лес на топливо жителям.

Теперь нужно было отдать плату за всю эту щедрость. Недаром самые старые из тех, кто первый пришёл на эту землю, хмурились, глядя на котлы, не вмещавшие мяса, шатры, наполненные детьми; недаром удивлялись они, что Хозяин Пустынь так радушно принимает гостей. Его просто не было дома, он гостил целых двадцать лет на дальнем западе, в царской земле, а теперь вернулся назад, чтобы собрать выкуп. Блюстительницы очагов совершали ему возлияние жертвенной похлёбкой, хранители стад убивали чёрных телят и белых важенок без одной отметины, но он презирал мясо оленя, он питался душами маленьких детей, похищенными во время сна, он упивался слёзами осиротевших старух, он забирал стоявших на месте и догонял убежавших, стремясь превратить эту землю по-прежнему в пустыню. Уже десятки шатров стояли, лишённые людей, а он не чувствовал сытости. Шаманы бросали на его дорогу мясо, срезанное с трупов, чтобы заставить его перебраться к соседям, но ничто не помогало. Он кружился по тундре, как волк среди размётанного стада, возвращался назад, посещал каждое глухое озеро и везде собирал добычу.

На берегу озера, в одном из малолюдных углов тундры, лежало стойбище, поражённое заразой. Оно состояло из четырёх шатров, вытянувшихся в линию, и с первого взгляда не представляло ничего примечательного. Сани, нагруженные рухлядью, стояли кругом шатров в обычном беспорядке; груды оленьих шкур лежали на земле; два оленя бродили между санями, раскапывая копытами слежавшийся снег. Однако, взглядевшись поближе, можно было различить следы бедствия, посетившего стойбище. Рухлядь на санях и шкуры были покрыты толстым слоем инея, перед дверьми шатра нигде не горел огонь, из отверстий вверху не выходило дыма, свидетельствующего о деятельности женщин, варящих пищу. Людей нигде не было видно, они были внутри, под завёрнутыми меховыми полами, столь же неподвижные и холодные, как мёрзлый кусок сырого дерева, валявшийся поперёк дороги.